

РЕЦЕНЗИИ

Geschichte und Vergleich. Ansätze und Ergebnisse international vergleichender Geschichtsschreibung / Hg.
H.-G. Haupt, J. Kocka.
Frankfurt a.M., N.Y.: Campus Verlag, 1996.

В течение нескольких последних лет все большее число моих собратьев по цеху интересуется сравнительной историей. Они полагают, что компаративистика обещает стать в ближайшие десятилетия одним из магистральных направлений в науке. Ведущий медиевист Франции Жак Ле Гофф в свое время заявил в известном эссе "Аппетит к истории", что именно эта область знания представляет собой важный и до сих пор не востребованный резерв исторической науки. Проблемам сравнительной истории посвящаются международные конференции и научные издания создаются научные учреждения, ставящие своей целью изучение компаративистики. То, что историки проявляют все больший интерес к этой тематике, - несомненно, тенденция современной науки. Она не случайна. Ведь сравнение вообще является важнейшим исследовательским инструментом, без которого невозможен исторический анализ. Понять какой-либо исторический феномен - значит сравнить его с другим, отличающимся от него или похожим. В этом смысле историки всегда занимались и занимаются сравнением. Сравнительно-исторические исследования были не только предметом занятий крупных социологов, таких, как М. Вебер, Э. Дюркгейм, М. Мосс, но и крупных историков, работы которых так или иначе затрагивали темы компаративистики. Это О. Хинце, А. Пиренн, наконец М. Блок, выступивший в конце 20-х годов с рядом статей по компаративистике. В своем докладе "К сравнительной истории европейских обществ", прочитанном на международном конгрессе в Осло, он призывал медиевистов не замыкаться в рамках национальной истории и заниматься компаративистикой. Этот призыв и сегодня звучит актуально. К творческому наследию М. Блока, рассматривавшего сравнительную историю как главный предмет своих научных занятий, и сейчас обращаются историки, видящие в компаративистской методике один из важных способов обновления проблематики. В чем же новизна нынешнего этапа развития компаративистики и в какой мере реализован потенциал метода, важность которого отстаивал в своих трудах Марк Блок? . . .

Ответ на этот вопрос попытаемся найти в книге "История и сравнение", увидевшей свет в издательстве "Кампус" под редакцией директора Института сравнительной истории в Берлине Ю. Кокки и профессора новой истории в университете Галле—Виттенберг Г.-Г. Гаупта. Этот труд представляет собой обобщение международного опыта занятий компаративистикой в сфере новой и новейшей истории. Сборник состоит из трех разделов: "Сравнение в национальных историографи-

ях", "Примеры сравнительно-исторического анализа национальных государств" и "Сравнение эпох и культур". Статьи, посвященные конкретным сюжетам, предваряет написанное редакторами теоретическое введение "Историческое сравнение: методы, задачи, проблемы", в котором обсуждаются проблематика и методика анализа. В нем дается дефиниция сравнения и определяется статус компаративистских исследований. С точки зрения Ю. Кокки и Г.-Г. Гаупта, задача компаративистики - это поиск различий и аналогий между двумя и несколькими явлениями, а не описание одного в историческом контексте другого, как это принято считать. В этом смысле, по их мнению, не следует смешивать компаративистский анализ с изучением процессов межкультурных контактов, экономических и политических связей, взаимодействий и влияний. В подобных работах, изучающих связи и трансляцию культурных моделей, сравнение присутствует лишь имплицитно, в то время как в компаративистике оно является главной методикой и целью исследования. Если в социологии, лингвистике и других областях гуманитарного знания сравнительный метод достаточно давно и успешно применяется, то в исторической науке компаративистские исследования до сих пор остаются редкостью, а историки в целом относятся к сравнению скептически. Тому есть много причин, считает Ю. Кокка. Между компаративистикой и исторической наукой, в том виде, в каком она сложилась еще в XIX в., по его мнению, существовали напряженные отношения. Среди историков издавна сложилось убеждение, что настоящее историческое исследование должно быть максимально приближено к источникам, в то время как компаративистское очень часто основывается на источниках, полученных из вторых рук. Кроме того, бытует мнение, что историки должны рассматривать исторические феномены в диахронном контексте, на разных стадиях их развития. Компаративистский же метод вырывает изучаемые явления из их исторического контекста, исследует их в синхронном разрезе и предполагает абстракцию, обобщение. Нельзя также упускать из виду то обстоятельство, что само становление истории как научной области знания было связано в первую очередь с интересом к своей, национальной истории, и это отодвигало историческое сравнение на второй план. Лишь в 60-70-х годах XX в., когда в гуманитарной науке началось обновление всей парадигмы исторического знания, интерес к компаративистике оживился. Но до сих пор сравнительные исследования остаются уделом очень немногочисленной группы историков и касаются преимущественно новой и новейшей истории.

Вслед за Марком Блоком Ю. Кокка выделяет два основных типа исторического сравнения, один из которых сосредоточен на изучении контрастов и различий (method of difference, как называет его автор со ссылкой на Дж. Ст. Милля), другой - на изучении черт сходства и аналогий (method of agreement). Если политологи и социологи, пишет Ю. Кокка, занимаются сравнением с целью обобщения на основании выявленных черт сходства, то историки - с целью изучить индивидуальные осо- 8.

бенности явлений, различия между ними. Потому *method of difference*, с его точки зрения, - наиболее адекватный для исторической науки способ сравнительно-исторического анализа. Типичным примером контрастного или, в интерпретации Ю. Кокки, асимметричного сравнения (*asymmetrische Variante*) является исследование Макса Вебера о протестантской этике. Великий немецкий социолог сравнивал Западную Европу и восточные культуры с целью понять, почему Запад пришел к капиталистической системе хозяйствования.

Далее во введении рассматриваются различные методические функции сравнения. В эвристическом смысле, считает Кокка, сравнение позволяет выявить проблемы и вопросы, которые без компаративистского анализа невозможно было бы обнаружить. В качестве примера историк приводит исследование о гораживаний М. Блоком, который на основе хорошо изученного опыта Англии отметил существование подобных явлений в Провансе XV-XVII вв. В результате оказалось, что в аграрных обществах по обе стороны Ла-Манша развивались сходные процессы. ⁹ Описательная функция сравнения заключается в том, что оно позволяет выявить специфику отдельных явлений - так, особенности развития того или иного социального феномена познают лишь в сравнении с такими же феноменами разных обществ. Примером такого сравнения, считает Ю. Кокка, может служить исследование немецкими историками проблем специфического пути Германии к индустриализации (*Sonderweg*) ¹⁰. Аналитическая функция сравнения, по мнению Кокки, незаменима при объяснении определенных исторических ситуаций. С одной стороны, при помощи сравнительного метода можно выявить индивидуальные особенности того или иного исторического феномена, пространственно-временной контекст его бытования. С другой, с помощью сравнения можно исключить некоторые псевдообъяснения. Это соображение Ю. Кокка опять-таки иллюстрирует примером из статьи М. Блока, который отмечал, что в эпоху позднего средневековья происходило усиление гнета сеньории (увеличение податей, лишение земледельцев их владений и т.д.) в большинстве регионов Европы. Сходные процессы происходили повсюду одновременно и существенных расхождений между ними не было, но попытка объяснить их, исходя из локальных особенностей отдельных регионов, как показал М. Блок, может привести лишь к ложным выводам. Скорее следует искать общеевропейские модели объяснения, и тогда мы обнаружим такое явление, как упадок земельной ренты. Так сравнение оказывается косвенным экспериментом, своеобразной проверкой гипотезы. При помощи сравнения, отмечает далее Кокка, можно создавать определенные исторические модели, реконструировать типологию социального развития. В этом заключается его парадигматическая функция. Сравнение в этом случае заостряет способность историка видеть в интересующей его модели одну из возможностей развития. В результате собственный предмет исследования - например, национальная история утрачивает автономность и начинает рассматриваться лишь как один из .

возможных путей развития. Поскольку тенденция отдавать предпочтение локальной и региональной истории до сих пор в национальных историографиях существует, то сравнение помогает преодолевать этот германо- или европоцентризм.

Ю. Кокка показывает, что сравнительно-исторический анализ, ориентированный на изучение черт сходства, может стать основой построения различных типологий. Пример тому - работы А. Гершенкрона,¹¹ посвященные своеобразию пути Германии к модернизации в историко-сравнительной перспективе, Б. Мора - о различных путях Англии, США, Франции, Японии и Индии к модернизации, рассматриваемых под углом зрения возникновения диктатуры и демократии¹² работа М. Гро-ха - о национальных движениях в Северной, Восточной и Центральной Европе¹³ др. Но в то же время построение типологий таит в себе опасность и часто ведет к упрощениям. Исторические процессы начинают восприниматься как определенные типы, возникает тенденция рассматривать их как "норму", "модель": например, английскую индустриализацию - как классическую модель всякой индустриализации вообще, англосаксонскую демократию - как образец демократии вообще и т.д. В результате один из объектов сравнения превращается в абстрактное понятие, а все остальные сравниваются с ним. Ю. Кокка, с одной стороны, выступает против такого рода генерализаций и ложных обобщений, с другой - полагает, что без глобальных понятий невозможно строить исторические гипотезы. , и

В заключении к вводной части немецкие историки останавливаются на такой важной проблеме, как выбор единиц сравнения. Историки-новисты, отмечает Ю. Кокка, отдают предпочтение сравнительно-историческому анализу национальных государств XIX-XX вв. Сравнивались также различные идеологии (национализм, фашизм, либерализм) и экономические явления - такие, как индустриализация и др. В дальнейшем, считает Ю. Кокка, в связи с проблемами интеграции Европы, на первый план выступит сравнение разных путей европейских стран к модернизации¹⁴. Выбор единицы сравнительно-исторического анализа, считают немецкие компаративисты, зависит в итоге от той исследовательской задачи, которую ставит перед собой историк; единица сравнения меняется в зависимости от того, какой¹⁵ аспект социальной истории подлежит изучению. Вслед за М. Блоком Ю. Кокка высказал мнение, что в компаративистском исследовании не следует реифицировать национально-политические границы.

В какой же мере современные историки уделяют внимание сравнительной истории? Каковы тенденции развития компаративистских штудий в исторической науке? На этот вопрос находим ответ в разделе "Сравнение в национальных историографиях". Все авторы очерков, посвященных историографии Франции, Англии и Германии, отмечают, что компаративистские штудии в Европе в целом развиты слабо. В Германии, утверждает Ю. Кокка¹⁶, историческая наука вообще была преимущественно нарративной, а компаративистикой зани-

мались лишь "аутсайдеры" - такие, как социолог М. Вебер или историк О. Хинце.

В Англии главной сферой гуманитарного знания в XX в. всегда была экономика, считает автор статьи об английской историографии Дж. Кроссик¹⁷. В этой сфере формулировались все проблемы исторической науки, а потому и сравнение практиковалось именно в области экономической истории. В большей мере, чем в исторической науке, компаративистский метод использовался в британской культурантро-пологии, в которой обычно сравнивали религиозные практики и верования различных народов. Во Франции, несмотря на мощный импульс, который могли бы дать компаративистским штудиям работы М. Блока, тематика сравнительной истории присутствует в национальной историографии лишь имплицитно — такова точка зрения Г. Гаупта¹⁸.

И все же отдельные проблемы сравнительной истории изучались в национальных историографиях. При этом сравнение в них выполняло в основном описательную функцию. Как отмечает в своей статье Ю. Кокка, в немецкой историографии главный сюжет компаративистики - проблема Sonderweg, особого пути Германии. На фоне сравнения с другими западноевропейскими странами немецкие историки пытаются объяснить особенности развития Германии в новое время - слабость парламентаризма, позднее создание национального государства, замедленность темпов индустриализации¹⁹. Этим проблемам посвящены работы А. Гершенкрона, Ю. Кокки и др. Английские историки прибегали к сравнению, занимаясь экономической и городской историей. Задаваясь вопросом о том, почему именно Англия стала первой страной индустриализации, британские ученые попытались на фоне сравнения с другими европейскими странами, например с Францией²⁰ изучить особенности экономического развития Англии, такие, как высокая степень урбанизации, меньшая занятость населения в сельском хозяйстве, и др. Другой сферой применения компаративистского метода была в английской историографии урбанистика. Здесь интерес историков был сосредоточен в первую очередь на сравнении английской и североамериканской модели городов. Изучались, например, особенности заселения и пространственного развития городов Англии и США²¹, специфика образования и развития различных социальных групп - ремесленников, лавочников и пр., особое внимание²² было уделено сравнительно-историческому анализу эволюции рабочего класса в Германии и Англии²³. Несмотря на то что в Англии существует ряд компаративистских штудий, сравнительная история в целом не изменила парадигму британской историографии, замечает Дж. Кроссик.²⁴

Во французских исследованиях по новой и новейшей истории, полагает Г. Гаупт²⁴, до сих пор сильна традиция локальных и региональных исследований. Исключение составляют лишь работы по демографической истории, посвященные анализу различных моделей роста населения, урбанизации и других демографических параметров, в частности, принадлежащих перу Ж. Дюпакье, а также работы по истории Француз-

ской революции. И все же, по мнению Г. Гаупта, и эти последние скорее посвящены изучению влияния Французской революции на европейские страны, чем сравнительно-историческому анализу²⁵.

Итоги компаративистских штудий в Европе подвел в своей статье Г. Кэльбле²⁶. Он отметил, что компаративистика в целом отстает в своем развитии от других актуальных направлений науки - истории ментальностей, микроистории, истории нарратива и др. Излюбленной темой европейских компаративистов продолжает оставаться история второй половины XIX в. - время, когда происходили важные для европейской истории процессы, - индустриализация, урбанизация, модернизация и т.д. Единицей сравнения были города, социальные слои, профессиональные группы, реже семья и пр. Отмечая, что рефлексия на тему сравнительной истории до сих пор остается слабой, Г. Кэльбле одновременно констатирует и рост интереса к ней в последние годы.

Как же в конкретных исследованиях историки реализуют компаративистский замысел? Какие функции выполняет в их работах сравнение? Статьи, посвященные конкретным сюжетам, в сборнике помещены в разделе "Сравнительная история национальных государств". В статье Ш. Такэ "Национальные символы во Франции и Германии" сравнительно-исторический метод использован для того, чтобы объяснить феномены, встречающиеся в двух западноевропейских обществах. Предмет ее исследования - представления формирующейся национальной буржуазии Франции и Германии о нации - "воображаемой общности" (*imagined community*, если пользоваться термином Б. Андерсона), о национальной гармонии; своеобразная символическая практика, в которой эти представления нашли отражение. Важнейшие национальные мифы во Франции и Германии были связаны с именами Верцингеторикса и Арминия. Считалось, что поражение Верцингеторикса, нанесенное ему римской армией и положившее начало смешению галлов и римлян, в дальнейшем определило существенные черты французской нации. В ней изначально было заложено непреодолимое противоречие. Именно поэтому франко-кельтская нация оказалась столь революционной. Галльский народ стал предтечей третьего сословия (*tiers etat*), боровшегося против господства аристократов - потомков римлян и франков. Потому французская нация, полагали историки и публицисты XIX в., сложилась прежде всего как политическая общность. Как считалось, победа Арминия над римлянами заложила фундамент однородной культурной немецкой нации. В отличие от французской германская нация, полагали историки, конституировалась - культурно, лингвистически и этнически - как однородная общность. Этим немцы объясняли ее реформаторский и консервативный дух. В глазах же французов отчуждение немцев от римской культуры стало знаком варварства германской нации.²⁷

Во Франции и Германии в символической практике свои идеи национального единства воплощали различные социальные слои. Так, у нотаблей Оверни, защищавших идеалы Старого порядка, был свой образ

Верцингеторикса, который нашел отражение в памятнике, установленном на холме Герговия в Клермон-Ферране. У республиканцев, буржуазии, пропагандировавшей национальную гармонию, - свой, воплощенный в памятнике на площади Жод. Формирование национальной буржуазии в Германии, ее национального самосознания также было связано с символической практикой. Представления немецких буржуа об однородном обществе, о единой национальной общности отражены в созданном на рубеже веков памятнике Арминию в Детмольде (Неппап-nsdenkmal). Создание памятников Арминию в Германии и Верцингето-риксу во Франции символизировало завершение складывания национальных общностей в европейских государствах. Сравнительное изучение национальных символов выявило их специфику в разных европейских странах. Сравнение в этом исследовании выполняло важную описательную и аналитическую функцию.

Как показывают конкретные исследования сборника, компаративистские штудии могут выполнять и эвристическую функцию. Таково междисциплинарное (на стыке демографии и социальной истории) исследование И. Эмера, посвященное анализу моделей брачности в Англии, Германии и Франции.²⁸ Изучая историю промышленности Англии во второй половине XIX в., он обнаружил, что в период индустриализации в Великобритании резко понизился порог брачного возраста. Затем, чтобы проверить свою гипотезу о взаимосвязи этих процессов, историк обратился к изучению особенностей индустриализации в Центральной Европе, и оказалось, что в исследуемый период порог брачного возраста там, напротив, повышался. В результате И. Эмеру удалось выяснить, что на Западе в период социальных потрясений, с которыми была связана индустриализация, именно семейные и родственные сети стали средством социальной защиты, а потому и порог брачного возраста здесь был достаточно низким. В отличие от Запада в Центральной Европе в силу особенностей развития промышленности доступ к местам мастеров в этой сфере был ограничен, что обрекало рабочих на постоянные странствования и препятствовало браку. Эти процессы в целом и привели к повышению порога брачного возраста. Так, благодаря сравнительно-историческому методу историк смог открыть новые, еще не изученные аспекты исследования социально-экономической истории. Как видим, прибегая к сравнению, историки проверяют свои гипотезы, переформулируют задачи исследования и предлагают более точные и адекватные объяснения того или иного феномена.

В других конкретных исследованиях сравнение выполняет парадигматическую функцию,²⁹ помогает выстроить определенную типологию. В статье К. Конрада в сравнительно-историческом аспекте анализируется система социального обеспечения в Англии (welfare), Франции (Etat de providence) и Германии (Sozialstaat), весь комплекс организованных в Европе мероприятий по социальному обеспечению безработных, пенсионеров, инвалидов труда и других категорий населения. Европейские государства условно делятся на страны, в которых действует система

386 Рецензии

У. Бевериджа (где источник такого обеспечения - доходы населения), и те, в которых сформировались социальное государство типа бисмар-ковского и единая финансово-налоговая система. В результате подобного сравнения были выявлены индивидуальные черты системы социального обеспечения в разных странах. В этом смысле статья К. Конрада - пример компаративистского исследования, построенного и по method of difference. В конкретном исследовании, как мы видим, намеченные еще М. Блоком два типа сравнения чаще всего переплетаются, удачно дополняя друг друга.

Еще один опыт реконструкции типологии³⁰ моделей развития представляет собой статья Г. Зигриста о становлении адвокатуры в Европе. Историк трактует развитие этого явления как часть общеевропейского процесса "рационализации" (в веберовском смысле) системы управления, углубления разделения общественного труда, возникновения новых профессий. В связи с этим он выделяет три типа адвокатуры, сложившиеся в разных странах: тот, который сформировался в результате профессионализации сверху, проходившей под контролем государства. В этом случае адвокаты оказывались государственными чиновниками, профессиональными юристами, служившими в государственных структурах. Подобный тип адвокатуры сложился в таких регионах, как Пруссия, Бавария, Австрия; другой регион представляла собой Северная Италия, где контроль со стороны государства был менее жестким и где профессия адвоката в меньшей степени была связана с государственными структурами; наконец, третий регион - Швейцария, где сложился наиболее либеральный тип адвокатуры. Здесь адвокатура - род свободной профессии, а адвокат - независимый от государства бюргерский профи, эксперт, кредит доверия к которому основывался на его индивидуальной компетенции. Таковы, согласно классификации Г. Зигриста, различия между адвокатурой Швейцарии, Италии, Пруссии и других стран. Проведенный им сравнительный анализ явился не только методом реконструкции типологии, но также способствовал выявлению отличительных черт исторических феноменов. .

Предыдущее изложение могло создать впечатление, что единицей сравнения в исследованиях немецких компаративистов чаще всего является нация, национальное государство или же город. Между тем М. Блок говорил о необходимости отказаться от географических и топографических границ - социальные реальности не укладываются в эти рамки. Наверное поэтому, в сборнике помещен еще один раздел - "Сравнение эпох и культур". В опубликованных в нем статьях метод сравнительно-исторического анализа распространяется и на историю цивилизаций, культуры и ментальностей. В этот раздел включены три статьи. Работа К. Мейера "Размышления об античной истории" представляет собой попытку проанализировать античные концепции историзма в сравнительно-историческом разрезе. Согласно мнению автора, ссылающегося на исследования известного немецкого египтолога Я. Ассманна, линейная историческая концепция возникла еще в Хет-

Рецензии 387 тском царстве, когда хеттский правитель Муршил усмотрел в постигшей его государство эпидемии чумы наказание за совершенное им клятвопреступление. Сходная концепция истории - казуальная - существовала в древнем Израиле, где войны с Ассирией и вавилонское пленение рассматривались как проявление божественного гнева и наказание израильтян за грехи. Другой тип исторического сознания представлен в трудах греческих историков - Геродота, Полибия и др. В их сочинениях история понимается как смена династий и монархий. Сравнение концепций истории, по мнению К. Мейера, необходимо для понимания специфики исторического сознания - это лучший способ познания античной истории.

32

В статье Ю. Остерхаммеля "Транскультурная сравнительная история" центральной является мысль о том, что компаративистика - это важнейший способ преодоления европоцентризма. Насущная задача исторической науки заключается, по мнению автора, в том, чтобы осмыслить инаковость и "неевропейскость" многих исторических явлений, и перспективы компаративистики в этом плане необозримы - ведь существует много феноменов, которые, по выражению Ю. Остерхаммеля, будучи по своей природе "транскультурными", могут быть изучены лишь при условии применения сравнительно-исторического метода. Это такие транскультурные явления, как, например, эллинизм; транскультурные регионы - такие, как Балканы эпохи раннего нового времени, средневековые мусульманская Сицилия и мусульманская Испания; наконец, это различные космополитические группы - высший католический клир, международные торговцы древности (армяне, персы, греки и пр.). Изучить эти сложные явления без сравнительно-исторического метода не представляется историку возможным.

Завершает сборник статья И. Блом "Взаимодействие феминизма и национализма на рубеже веков. Опыт гендерной истории". Исследовательница сравнивает борьбу за права женщин в двух скандинавских странах - Швеции и Норвегии. Сравнение было для нее способом объяснения явлений, встречающихся в социальных системах двух стран. Этот компаративистский анализ заставил ее обратить также внимание на связь между национализмом и феминизмом, и в этом смысле ее исследование выполнило эвристическую функцию. Шведский национализм повлиял на отношение к женскому вопросу, считает И. Блом. На рубеже веков в массовом сознании шведов сформировался образ нации как семьи, где мужчинам отведена публичная сфера, а женщинам частная. Из такого представления о нации проистекал и консерватизм шведских социалистов в вопросе о женских правах. Напротив, в Норвегии, где нация мыслилась как гармоническая общность, все члены которой равноправны, за равенство полов начали бороться намного раньше. В дальнейшем исследовании И. Блом рассматривает проблемы феминизма в общеевропейском масштабе. В результате сравнительно-исторического анализа она выделила две модели феминизма, характерные соответственно для Северной и для Южной Европы. По мнению

33

388 Рецензии

Значение сборника, выпущенного под редакцией Ю. Кокки, во многом состоит в том, что в нем обобщены результаты исследований и подведены итоги компаративистских штудий в разных странах. Это, в частности, позволило авторам историографических очерков выделить наиболее плодотворные практики и методы сравнительного исследования и очертить его перспективы, а стало быть, осмыслить его значение для изучения исторических феноменов. Остается сожалеть, что в медиэвистике такие обзоры компаративистских штудий отсутствуют. В связи с интерпретацией в сборнике сущности и задач сравнительно-исторического метода встает несколько вопросов. Судя по приведенным в статьях материалам, статус компаративистики остается по-прежнему достаточно размытым. Так, Ю. Остерхаммель относит к компаративистике многие работы, в сущности посвященные изучению межкультурных контактов (*Beziehungsgeschichte*), хотя в теоретическом введении Ю. Кокки они выведены за скобку сравнительно-исторических исследований. Не совсем ясно и то, где проходит грань между сравнительной историей, *Beziehungsgeschichte*, с одной стороны, и компаративистикой и культурной антропологией - с другой, ибо в задачу последней также входит осмысление инаковости, "неевропейскости" различных исторических феноменов. Во введении и в ряде работ подчеркивается, что именно изучение различных путей европейских стран к модернизации и общеевропейской интеграции станет в ближайшее время одной из главных тем сравнительной новейшей истории. В связи с этим возникает вопрос, в какой степени интерес к ней обусловлен политическим фактором — объединением Европы. К сожалению, в сборнике не получил освещения и важный методологический вопрос, касающийся пределов возможностей компаративистского метода. Как и всякий другой метод, компаративистика не является универсальной отмычкой для многих проблем исторической науки. Во введении к сборнику много говорится об эффективности сравнительного анализа, но о степени адекватности метода в разных исторических исследованиях, о необходимости выбора масштаба сравнения, определения его условий и целей сказано очень мало. Вместе с тем сборник действительно представляет собой первый шаг к конкретному воплощению теоретических рассуждений о сравнении. В нем не только определены предмет и методика компаративиста-

И. Блом, в Северной Европе женщины начали бороться за свои права раньше, чем на юге. Объясняется это тем, что в Южной Европе в сфере образования, медицины важную роль играла Церковь и благодаря ее поддержке женщины могли занимать в этих сферах определенные позиции. На севере Европы эти сферы всецело зависели от государства, и женщины, предъявлявшие социальные притязания, должны были бороться и за свои политические права. Так благодаря компаративистскому методу И. Блом удалось рельефно подчеркнуть своеобразие исторических феноменов.

¹ Le Goff J. L'appetit pour l'histoire // La vie avec l'histoire / Ed. P. Nora. P., 1987.

² Marc Bloch d'aujourd'hui. Histoire comparee et sciences sociales / Ed. A.H. Burguiere. P., 1990; La storia comparata. Approcci e prospettive / A cura di P. Rossi. Milano, 1990. В сентябре 1999 г. в Берлине прошла конференция, посвященная сравнительной истории средневековья. Ее материалы см.: "Европа в средние века"; см. также: Europa im Mittelalter. Theorie, Methoden und Praxis des Vergleichs in den europaischen Geschichtswissenschaften vom Mittelalter. B., 2000.

³ В Берлине, например, созданы два института: так называемый Центр сравнительной истории Европы (Zentrum für vergleichende Geschichte Europas) во главе с Ю. Коккой - в Свободном университете и Институт сравнительной истории средневековой Европы (Institut für vergleichende Geschichte Europas im Mittelalter) во главе с М. Боргольте - в Университете имени А. фон Гумбольдта.

⁴ См. их труды: Сущность и распространение феодализма: Hintze O. Wesen und Verbreitung des Feudalismus // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse, 1929; Pirenne H. Histoire de Belgique. P., 1909-1927. Т. I-IV (сама специфика государственного устройства Бельгии побуждала А. Пиренна обратиться к сравнению); Block M. Comparaison // Revue de synthese. 1930. 49. Juin. P. 31-39, 87-93; Idem. Pour une histoire comparee des societes europeennes // Revue de synthese historique. 1928. 4. P. 15-50; Idem. La vie d'outre-tombe du roi Salomon // Revue beige de philologie et d'histoire. 1925. Т. 4; перевод доклада М. Блока на русский язык см. в этом выпуске "Одиссея"; Dumoulin O. Marc Bloch. P., 2000. P. 86; Borgolte M. Die Erfindung der europäischen Gesellschaft. Marc Bloch und die deutsche Verfassungsgeschichte seiner Zeit // Marc Bloch: Historiker und Widerstandskämpfer / Hr. P. Schottler. Frankfurt a. Main, 1999. S. 171-194.

Рецензии 389

³⁴ ки обобщены итоги сравнительно-исторических исследований в разных странах, но и даны некоторые образцы сравнительно-исторического исследования. Опыт немецких компаративистов убеждает - компаративистику нельзя свести к какому-то набору правил. Сравнение служит для адекватного объяснения исторических феноменов, для проверки гипотез; оно заставляет историков столкнуться с альтернативной системой ценностей, взглядов, обнаружить специфику изучаемого - и в этом смысле оно является важнейшим исследовательским инструментарием. Тот факт, что историки наконец-то осознали это обстоятельство, доказывает следующее: компаративистика вступила в новую фазу своего развития. Возможно, что именно она откроет новые горизонты исторической науки. А потому разговор должен быть продолжен. ,

⁵ Haupt H.-G., Kocka J. Historischer Vergleich: Methoden, Aufgaben, Probleme. Eine Einleitung // Geschichte und Vergleich... S. 24.

⁶ См. об этом: Kocka J. Storia comparata // Enciclopedia delle scienze sociali. Fondata da Giovanni Treccani. 1998. Т. 7. P. 394-395.

⁸ Haupt H.-G., Kocka J. Historischer Vergleich: Methoden. ...S.I 1-12. Так, под руководством С. Трапп в Англии конца 50-х годов издавался журнал "Сравнительные исследования по социальной истории" (Comparative Studies in Society and History).

- ⁹ См. статью М. Блока в настоящем выпуске "Одиссея".
- ¹⁰ См. его статью в этом же сборнике: Kocka J. Historische Komparatistik in Deutschland // Geschichte und Vergleich... S. 47-61.
- ¹¹ Gerschenkron A. Economic backwardness, in historical perspective. Cambridge (Mass.), 1962.
- ¹² Moore B. Social origins of dictatorship and democracy. Lord and peasant in the making of the modern world. Boston, 1966.
- ¹³ Hroch M. Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleineren Völkern Europas. Pr. 1968.
- ¹⁴ Haupt H.-G., Kocka J. her Vergleich ... S. 37. Historisc
- ¹⁵ Ibid. S. 29-31.
- ¹⁶ Kocka J. rische Komparatistik in Deutschland... S. 47. Histo
- ¹⁷ Crossick G. And what they should know of England? Die vergleichende Geschichts-schreining im heutigen Gropbritannien // Geschichte und Vergleich...
- ¹⁸ Haupt H.-G. Eine schwierige Öffnung nach außen: Die international vergleichende Geschichtswissenschaft in Frankreich // Ibid. S. 77-91.
- ¹⁹ Kocka J. storische Komparatistik in Deutschland... S. 53-55. Hi
- ²⁰ O'Brien P., Keyder C. Economic growth in Britain and France 1780-1914. Two Paths to the Twentieth Century. L., 1978.
- ²¹ Morris R. The reproduction of labour and capital: British and Canadian Cities during industrialisation // Journal of European Economic History. 1989. 15. P. 291-333.
- ²² Crossick G., Haupt G. Shopkeepers and Master Artisans in Nineteenth-Century Europe. L., 1984. P. 329-369.
- ²³ Geary D. Euripean Labour Protest 1848-1939. L., 1981.
- ²⁴ Haupt H.-G. Eine schwierige Öffnung nach aukn... S. 78-79.
- ²⁵ В качестве примера приводится ряд работ. См.: Transferts culturels. Les relations interculturelles dans l'espace franco-allemand (XVIII-XX siecles) / Ed. M. Espagne, M. Werner. P. 1988.
- ²⁶ Kaelbe H. Vergleichende Sozialgeschichte des 19. und 20. Jahrhunderts: Forshungen europaasher Historiker // Geschichte und Vergleich: Ansätze und Ergebnisse... S. 91-131.
- ²⁷ Tacke C. Nationale Symbole in Deutschland und Frankreich // Geschichte und Vergleich... S. 91-131.
- ²⁸ Ehmer J. Heiratsverhalten und sozialökonomische Strukturen: England und Mitteleu-ropa im Vergleich // Ibid. S. 181-207.
- ²⁹ Conrad C. Wohlfahrstaaten in Vergleich: Historische und Sozialwissenschaftliche Ansätze//Ibid. S. 155-181.
- ³⁰ Siegrist H. Berufe im Gesellschaftsvergleich: Rechtsanwälte in Deutschland, Italien und der Schweiz // Ibid. S. 207-239.
- ³¹ Meier C. Aktueller Bedarf an historischen Vergleichen: Überlegungen aus dem Fach der Alien Geschichte // Ibid. S. 239-271.
- ³² Osterhammel J. Transkulturell vergleichende Geschichtswissenschaft // Ibid. S. 315-339.
- ³³ Blom I. Das Zusammenwirken von Nationalismus und Feminismus um die Jahrhun-dertwende: Ein Versuch zur vergleichenden Geschlechtsgeschichte // Ibid.

³⁴

Такие попытки предпринимались и прежде. См., например: Sewell WJ. Marc Bloch and the Logic of Comparative History // *History and Theory*. 1967. Т. 6(2). Р. 208-218.

С.И. Лучицкая